

Кельмаков Валей Кельмакович
Россия, г. Ижевск,
Удмуртский государственный университет

Б. Г. ГАВРИЛОВ И ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВЫХ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ НА УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Аннотация. Борис Гаврилович Гаврилов (1854–1885), татарин-кряшен по национальности, государственный крестьянин по происхождению, сельский учитель и в конце жизненного пути священник в сельском приходе и миссионер, в 1872–1877 гг. записывал фольклорный материал у казанских (периферийно-южных), малмыжских (срединных) и глазовских (северных) удмуртов и в 1880 году опубликовал книгу «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» с первыми оригинальными текстами на удмуртских диалектах. Его фольклорно-диалектологические публикации оказались в то время весьма востребованными в финно-угроведении, и не случайно многие из них, в особенности песни и загадки, были воспроизведены в работах как зарубежных (М. Бух, Б. Мункачи), так и отечественных (Г. С. Лыткин, М. П. Петров, Н. П. Кралина, Т. Г. Перевозчикова и др.). Они и в настоящее время служат важнейшим источником изучения не только удмуртского фольклора и некоторых диалектов на относительно раннем этапе их развития, но и истории малоупотребительной диалектной и устаревшей лексики и паремии (свыше 500 слов и выражений).

Ключевые слова: первые оригинальные удмуртские тексты, ранняя удмуртская графика, священник, миссионер, устаревшие слова.

1.1. В 2020 году исполнилось 140 лет со дня выхода в свет книги «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья

* Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00267.

вотьяковъ Казанской и Вятской губерній», которые были “записаны, переведены и изложены **Борисомъ Гавриловымъ** во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній” и изданы в Казани в 1880 году (189 с.).

1.2. Составитель данного сборника Борис Гаврилович Гаврилов родился в 1854 году в крещено-татарском селе Никифорово Абадинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии. В отдельных источниках [Владыкин, Поздеев 1980: 48] указывается, что д. Никифорово имело татарско-удмуртское население, и Б. Гаврилов с детства владел татарским и удмуртским языками. Эти сведения вызывают определенные сомнения, поскольку Б. Гаврилов вынужден был изучать удмуртский язык то с удмуртскими ребятами будучи сельским учителем в д. Ошма современного Балтасинского района Республики Татарстан [Туранов 2010: 178]), то в результате специальных поездок в удмуртские деревни: “Въ 1873 году я жилъ в этой деревнѣ (имеется в виду д. Верхняя Шунь современного Кукморского района Республики Татарстан. – *В. К.*), по поручению начальства, изучая языкъ Вотьяковъ...” Об этом же пишет и Н. И. Ильминский: “Борись Гавриловъ въ 1873 и 1874 годахъ былъ командированъ въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній для изученія вотяцкаго языка” [Гаврилов 1891: 80. Примеч.]. В конечном счете он, по-видимому, все же овладел удмуртским языком весьма прилично (в совершенстве?); так, в письме к П. П. Масловскому от 7 сентября 1881 года Н. И. Ильминский охарактеризовал его следующими словами: “В Умякѣ служить священникомъ, крещенный татаринъ изъ учениковъ о. Василия Тимоѳеевича, Борись Гавриловъ, очень даровитый, знатокъ вотяцкаго языка...” [Харламповичъ 1907: 163].

Что касается даты его смерти, то Е. Ф. Шумилов, называя годы жизни Б. Гаврилова: “ок. 1854, д. Никифорова Мамадышского у. Казанской губ. – до 1900 Малмыжский у.” [Энци. УР 2000: 262], относит ее, как видим, к весьма неопределенному времени – “до 1900” гг., что никак не согласуется со следующим фактом: венгерский исследователь удмуртского языка Б. Мункачи, нахо-

дьясь в 1885 году в экспедиции у южных удмуртов, имел страстное желание посетить о. Б. Гаврилова, однако его отговорили от этой возможной встречи под тем предлогом, что в этот период Гаврилов лежит на смертном одре [Munkácsi 1887: VII] – ну не мог же он лежать в предсмертной агонии чуть ли не 15 лет! Такую неувязку снимают исследования А. А. Туранова, который с надежными документами на руках установил: “Согласно представленной архивной справке, в метрической книге Николаевской церкви с. Тавели за 1854 г. зарегистрирован факт крещения новорожденного мальчика, которому дано имя Борис. Дата рождения – 21 июля 1854 г, дата крещения – 25 июля. <...> Умер Борис Гаврилов 4 июля 1885 г. в возрасте 31 года от чахотки. Случилось это в своем приходе – в с. Умяк. Здесь же, в церковной ограде Петропавловской церкви, он похоронен” [Туранов 2010: 177, 180].

Б. Гаврилов, обучавшийся в Казанской крещено-татарской школе, по свидетельству Н. И. Ильминского, “своимъ образованіемъ много обязанъ извѣстному ревнителю миссіонерства, дворянину Евстафію Николаевичу Воронцу” [Гаврилов 1891: 80. Примеч.], выбором же жизненного пути – своему земляку о. Василию Тимофеевичу, первому учителю и заведующему крещено-татарской школой, известному в последней трети XIX в. просветителю крещеных татар. С 13 лет (со 2 января 1867 г.) был назначен учителем в с. Апазово Казанского уезда, в связи с открытием в 1868 году школы в д. Ошме¹ (удм. Ушмы), Б. Гаврилов был переведен туда. В этот период использовал в качестве учебного пособия тексты, переведенные им самим на удмуртский язык [Владыкин, Поздеев 1980: 48]. В 1872–1877 гг. ездил по удмуртским деревням Казанской и Вятской губерний (или длительное время проживал в некоторых из них) с целью освоения удмуртского языка и сбора полевых материалов по духовной

¹ В. Е. Владыкин и П. К. Поздеев называют удмуртскую деревню Ашмяк [1980: 48], по всей вероятности, ошибочно.

культуре удмуртов², и результатом этих поездок стали две работы Б. Г. Гаврилова: уже вышеупомянутые «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» и «Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода» (Гаврилов 1891: 80–156)³.

Б. Гаврилову приписывают также составление «Букваря» и перевод на казанский диалект удмуртского языка ряда религиозных книг, в их числе также, как: «Начатки христіанскаго ученія» (Нач. Уч. 1874), «О главныхъ церковныхъ праздникахъ господнихъ и богородичныхъ» (Бадзым пражникійос 1874), «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ» (Св. Ист. 1877), «Господа нашего Исуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея» (Еванг. 1877), «Наставленіе св. Тихона Задонскаго» (Ўгет 1878) [Владыкин, Поздеев 1980: 48; Уваров 2000: 67]. Среди них наиболее значимой с точки зрения отражения дифференциальных признаков казанского диалекта и разработки последнего в качестве книжно-письменного языка является, на мой взгляд, «Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта» (кукморский говор) (Св. Ист. 1877), «Господа нашего Исуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея» (шошминский говор) (Еванг. 1877).

2.1. Важнейшим трудом Б. Гаврилова в области удмуртской филологии является, естественно, книга «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской

² Н. И. Ильминский писал: "...не мало собрано Гавриловымъ матеріаловъ по языку, преданіямъ, повѣрьямъ и обрядамъ Вотяковъ" [Гаврилов 1891: 80. Примеч.].

³ Е. Ф. Шумилов указывает еще и на третью публикацию Б. Гаврилова – «Обряды и поверья вотяковъ» (Казань, 1887) [Энци. УР 2000: 262]. Эта работа мне не знакома, да и в специальном исследовании по истории удмуртской этнографии она не приводится [Владыкин, Христолюбова 1984: 24–26, 96–97]. Возможно, автора статьи в энциклопедию ввела в заблуждение работа Г. Верещагина «О книгахъ на вотскомъ языкн», в которой тот, ссылаясь на книгу Б. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880], сокращенно называет ее «Обряды и поверья вотяковъ» [Верещагинъ 1895: 9].

губерний». В композиционном отношении сборник весьма прост: он содержит удмуртские фольклорные тексты различных жанров на языке оригинала и их переводы на русский язык с некоторыми комментариями к ним (с. 3–154), описание поверий и обрядов северных удмуртов на русском языке (с. 155–186), «произношение буквъ со значками» (с. 187) и печатки (с. 187–189).

Из фольклорных произведений различных жанров и видов сборник включены:

1) песни: а) четырехстрочные (*кыржан кылъюс*) – 216 (с. 3–37/74–102)⁴; б) так называемые “сюжетные”, в их числе “порт-маськон гуръёс” (*кыржан гур*) – 24 (на языке оригинала: с. 38–47/103–111);

2) загадки (*мадишон кыл, машон кыл, вожо ма*) – 172 (с. 48–55/12–121);

3) сказки – 14 (с. 56–70/123–139);

4) куриськоны (языческие молитвы) (*вёшашкон кыл*) – 5 (с. 71–73/140–143);

5) легенды и предания (лишь в переводе на русский язык) – 5 (с. 144–154).

Тексты на удмуртском языке представляют в основном три группы говоров:

1) “казанский диалект” (по современному диалектному членению удмуртского языка *кукморский* и *шошминский* говоры периферийно-южного диалекта южного наречия);

2) средне-западные говоры (или *увинско-вавожская группа* срединных говоров);

3) “глазовский диалект” (*среднечепецкий диалект* северного наречия).

Количественное распределение фольклорных произведений различных жанров по указанным диалектам может быть представлено в следующей таблице:

⁴ Через косую черту отмечаются переводы (предложений, текстов) и их страницы.

Диалекты		Жанры удмуртского фольклора			
		песни	загадки	сказки	молитвы
Казанский диалект	кукморский говор	216	75	6	2
	шошминский говор			4	1
Срединные говоры		23		4	1
Северное наречие			20		1
Без точной паспортизации			77		
ВСЕГО		239	172	14	5
ИТОГО: 430					

Как явствует из таблицы, абсолютное большинство удмуртских текстов репрезентируют казанский диалект в целом; сказки и куриськоны (языческие молитвы), имеющие более точную паспортизацию с указанием населенного пункта их фиксации, относятся конкретно к кукморскому или шошминскому говору. Что касается четырехстрочных песен удмуртов, “живущихъ въ Казанской губерніи и въ южной части Малмыжского уѣзда Вятской губерніи” (с. 3–37), и 75 загадок, записанных “въ разныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи и въ пограничныхъ съ Каз. губ. селеніяхъ Вятск. губер.” (с. 48–51), то их отнесение к кукморскому или шошминскому говору не представляется возможным, за исключением тех случаев, когда в самом тексте песни упоминается тот или иной конкретный топоним; в последнем случае принадлежность песни тому или иному говору очевидна. Так, несомненно кукморскими являются четверостишия, где упомянуты такие ойконимы современного Кукморского района Республики Татарстан, как *Шыңыл* (д. Верхняя Шунь), *Каңсар* (то ли д. Старый Канисар, то ли Новый Канисар) или гидронимы *Шън ву-* (речка Шунь), *Каңсар вү-* (речка Канисарская):

*Шыңыл но тиос купес эвъл,
Купес тиослеç кэм эвъл.*

[Гавриловъ 1880: 9]

’Жители **Шунбашские** хотя не купцы, но не хуже купцовъ’

[Гавриловъ 1880: 79].

*Шын вуэдлэн кужсаяз
Галыз чыбор вудор вафь.*
[Гавриловъ 1880: 9]

’Около рѣчки **Шуни** есть пестрогрудая цапля’ (с. 79) [Гавриловъ 1880: 79].

*Каңсар ныййослэн кыржамзы
Каңсар вўосад шуккиқоз.*
[Гавриловъ 1880: 18]

’Пѣніе Коньсарскихъ дѣвухъ отдается на Коньсарской водѣ’ [Гавриловъ 1880: 87].

Однако таких случаев чрезвычайно мало; к тому же в фонетическом отношении (в особенности в записи Б. Гаврилова) песенные тексты, записанные на кукморском говоре, мало чем отличаются от тех, которые были записаны среди шошминских удмуртов, поскольку варианты гласной фонемы *ы* (кукм. *ь* // шошм. *ы*) зафиксированы в текстах одинаково буквой **ы**.

Небольшое количество текстов репрезентирует срединные говоры (23 песни, 4 сказки и 1 куриськон) и глазовский диалект (20 загадок и 1 куриськон).

Часть материалов (77 загадок – с. 51–54), записанных, как отмечает сам Б. Гаврилов [Гавриловъ 1880: 54], “въ разныхъ мѣстностяхъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи” и не поддающиеся более точной локализации, не могут быть отнесены к какому-либо конкретному диалекту, и использование их в качестве источников изучения определенных говоров – к тому же при не очень несовершенной графике и орфографии сборника – сопряжено с непреодолимыми трудностями.

2.2. Из этого следует, что книга Б. Г. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» является важнейшим источником изучения не только фонетико-морфологических особенностей, но и весьма специфичной лексики и паремии (извлечено свыше 500 таких слов и выражений) в первую очередь “казанского диалекта” удмуртского языка – современных кукморского и шошминского говоров, хотя определенные сведения по указанным языковым направлениям могут быть получены также о срединных говорах

(увинско-вавожская группа) и северном наречии (среднечепецкий диалект) удмуртского языка (подробнее см.: [Кельмаков 2011: 152–165]).

3. Хотя сборник «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» – не первая и не единственная книга, которая была издана на удмуртском языке (или с включением значительного материала на удмуртском языке) задолго до Октябрьской революции, якобы подарившей удмуртам письменность⁵, однако он занимает исключительное положение в истории духовной культуры удмуртского народа, в частности в области гуманитарных наук. Уникальность и новаторский характер этой книги заключается в следующем.

3.1. Она представляет собой **первый** в истории филологической культуры **опыт публикации большого корпуса оригинальных текстов** на удмуртском языке. Правда, и до нее были уже попытки издания связанных текстов на удмуртском языке, однако последние представляли собой либо переводы на удмуртский язык с русского (в частности, еще в конце XVIII века были переведены молитва “Отче наш” и два стихотворения [Бутолин 1941; Тепляшина 1965: 225–233])⁶ или иного языка (так, например, ряд

⁵ Вопреки исторической правде, в официальных кругах, юбилейных и прочих изданиях Удмуртской АССР нередко писали, в отдельных книгах вплоть до начала XXI века продолжают говорить и писать (возможно, с подачи первых), что удмуртский народ был “лишен царизмом печатного слова” [Удмуртия за 40 лет 1957: 206]; “До Великой Октябрьской социалистической революции удмуртский народ ни своей письменности, ни тем более художественной литературы не имел” [Тридцать лет СУ 1950: 144]; “До революции удмурты не имели письменности. (...) Советская власть, создавая все условия для быстрого роста материального и культурного уровня, дала удмуртам письменность...” [Кралина 1954: 141]; “У финского и эстонского языков письменность на основе латинского алфавита; у марийского и мордовских – издавна на основе русского алфавита; у коми-зырянского, удмуртского и коми-пермяцкого – на русской основе (с 30-х годов XX в.)” [Реформатский 1967: 422; 2006: 425]. И пр.

⁶ Первыми книгами на удмуртском языке, как общеизвестно, являются следующие: [Азбука Гл. 1847; Азбука Сар. 1847; Евангелия Гл. 1847 и Евангелия Сар. 1847; Блинов 1867] и др. Существование более ранних изданий –

книг, изданных в Казани до и после появления сборника «Произведения народной словесности...» с использованием графической системы и орфографии последних, были, по всей вероятности, переведены Б. Гавриловым с языка татар-кряшен)⁷; что же касается произведений удмуртского фольклора, опубликованных до книги Б. Гаврилова, то они либо крайне незначительны по объему⁸, либо изданы в вольном пересказе на русском языке.

3.2. Сборник является **первым** в России **опытом научной публикации** удмуртских фольклорно-диалектологических текстов в собственных записях автора, включающей – правда, не всегда полно и последовательно – почти все элементы таковой: 1) оригинальные тексты представлены в орфографии или транскрипции с попыткой сохранения их диалектных особенностей; 2) осуществлен перевод их на другой, более распространенный язык; 3) имеется паспортизация текстов; 4) к последним приложены лингво-этнографические комментарии. В связи с вышеназванными особенностями «Произведения народной словесности...» приобретают исключительную важность для удмуртской диалектологии и фольклористики.

3.3. Книга выступает в качестве **первого оригинального текстового источника для изучения удмуртских диалектов**, преимущественно южных⁹, чему в немалой степени способство-

«Евангелия от Луки» (СПб., 1824) и «Евангелия от Матфея» (Казань, 1846), приводимых И. В. Таракановым в статье «Памятники удмуртской письменности» [Энци. УР 2000: 539–540], весьма гипотетично; по крайней мере и сам автор выражает недоумение, из какого источника заимствованы им сведения о них.

⁷ К таковым, по-видимому, относятся и книги «Священная История Ветхаго и Новаго Завнта на Вотяцкомъ языкѣ» и «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея», изданные в Казани же за три года до появления сборника «Произведения народной словесности...» с использованием графической системы и орфографии последних.

⁸ Еще в XVIII веке были зафиксированы и частично опубликованы Н. П. Рычковым и М. Могилиным некоторые произведения малого жанра удмуртского фольклора [Поздеев 1976: 117–118].

⁹ Севернудмуртские диалекты уже в XVIII веке получили достаточно полное отражение в точно локализованных памятниках письменности, какими

вали, с одной стороны, наличие паспортизации текстов, хотя и далеко не полной, и, с другой стороны, попытка относительно точной фиксации составителем сборника особенностей территориально-структурных вариантов удмуртского языка. Правда, и эти благие намерения не всегда были достигнуты в достаточной мере.

3.4. Эта книга, наиболее популярная среди удмуртских изданий миссионерского общества того времени, **представила** на базе оригинальных текстов весьма **сложную систему письма**, весьма приближенного к транскрипции, ту систему, которая была уже апробирована в ряде предыдущих переводных изданий, менее доступных читателям и исследователям (см., напр.: [Св. Ист. 1877; Еванг. 1877]). Хороша была эта система графики и орфографии или не совсем, вопрос требует еще более детального изучения, но практическое использование ее в других изданиях имело место в конце XIX века и после выхода сборника «Произведенія народной словесности...» (ср., напр.: [СВС 1892]).

3.5. Имея в качестве приложения также и описание ряда календарно- и семейно-обрядовых праздников и этнографических реалий, заключающее в себе “немало новых для того времени интересных деталей” [Владыкин, Христоролюбова 1984: 25], книга Б. Гаврилова является **ценным источником и для удмуртской этнографии**.

4. Книга «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» оказалась крайне ожидаемым явлением в удмуртской филологии конца XIX века. Своевременность ее издания нашла выражение в том, что:

с одной стороны, она сразу же после выхода в свет привлекла к себе внимание зарубежных ученых того времени, и буквально через 2–3 года часть текстов из нее была переиздана Максом Бухом на удмуртском и немецком языках [Buch 1882: 90–104,

являются словарь Захария Кротова [Кротовъ 1785] и грамматика М. Могилина [Могилинъ 1786]; что касается южных говоров, то «Произведенія народной словесности...» Б. Гаврилова являются, пожалуй, первым весьма крупным источником их изучения, имеющим относительно точную локализацию.

110–122] (всего 26 песен, 51 загадка, 5 образцов четырехстрочных песен паремииологического характера или отрывков из них и 10 преданий и сказок – последние лишь на немецком языке) и Бернатом Мункачи с параллельным переводом на венгерский язык [Munkácsi 1883] (всего 6 сказок, 120 загадок, 117 песен и 5 языческих молитв);

с другой стороны, она возглавила собой целую серию последовавших в конце XIX – начале XX века аналогичных публикаций удмуртских фольклорно-диалектологических текстов, собранных и подготовленных к печати с приложением к ним параллельных переводов на финский, венгерский, немецкий и русский языки как зарубежными учеными (Т. Г. Аминоффом [Aminoff 1886], Б. Мункачи [Munkácsi 1887], Ю. Вихманном [Wichmann 1893; 1901; 1901a]), Р. Лахом [Lach 1926], так и отечественными (Н. Г. Первухиным [1888], И. С. Смирновым [1890: 1–39], С. Багиным [1897], И. Васильевым [Wasiljev 1902: 125–139; Васильевъ 1906: 337–345], Т. К. Борисовым [1929] и др.). И этот новый оригинальный совокупный материал, который в последнюю четверть XIX и самом начале XX века поступил в распоряжение финно-угроведов, дал возможность удмуртскому языкознанию того времени подняться на качественно новую ступень; а обнародованные ими устно-поэтические тексты представляют собой золотой фонд и для современной фольклористики.

5. Современники Б. Гаврилова и последующие исследователи, не обремененные определенными политическими и прочими предубеждениями, весьма положительно отзывались о его книге.

Первым, кто не только переиздал значительную часть фольклорных материалов из книги Б. Гаврилова (в этом отношении первым все же был немецкий этнолог М. Бух), но и в небольшом предисловии к первой своей удмуртоведческой работе дал весьма квалифицированную с позиций лингвистики и фольклористики характеристику текстам и указал на значимость их для удмуртской и финно-угорской филологии, был Б. Мункачи (считаю необходимым и возможным представить его для российских чи-

тателей в полном составе как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык):

A votják nyelvről szóló ismertetések eddigelé általában fordított s különösen vallásos tartalmú textusok alapján történtek. Eredeti nyelvmutatványok jelentékenyebb számban csak ezelőtt két évvel jelentek meg a kazáni missionárius társaság kiadásában (о: kiadásában) «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья Вотьяковъ Казанской и Вятской губерній» («A kazáni és vjatkai guberniumbeli votjákok népköltésének termékei, szokásai, babonái») címen. E gyűjtemény összeszerzője G a v r i l o v B o r i s z, ki Vjatkában töltött szolgálati ideje alatt figyelmét a népköltésre és szokásokra is kiterjeszté s különösen nagy számban szerzett össze dalokat, találós meséket, ezenkívül (о: ezenkívül?) meséket és imádságokat. Ezeket a gyűjtő kissé szabad, de azért elég jól használható orosz fordítással látta el s itt-ott, hol a szövegbeli előadás kissé homályos, magyarázatokkal.

’Сведения, касающиеся удмуртского языка, в общем до сих пор исходили лишь из переводных текстов и преимущественно религиозного содержания. Оригинальные образцы речи в значительном объеме появились лишь два года тому назад в издании Казанского миссионерского общества под названием «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотьяковъ Казанской и Вятской губерній» («A kazáni és vjatkai guberniumbeli votjákok népköltésének termékei, szokásai, babonái»). Составитель сборника Б о р и с Г а в р и л о в, кто в период службы в Вятке обратил свое внимание на [удмуртскую] народную поэзию и обычаи и в особо большом количестве собрал песни, загадки, сказки и, сверх того, сказки и молитвы. Эти материалы собиратель снабдил относительно свободным, потому и достаточно удобным для пользования, переводом на русский язык и местами, где близкое к тексту переложение несколько затемнено, – комментариями. Однако же многие места едва ли дос-

Mindemellett több helyt a teljesen szabatos és biztos fordítás csaknem lehetetlen, részint mivel jókora számú a szövegekben az olyan szó és szólás, mely eddigi forrásainkban nem fordul elő s így jelentésére nézve egyelőre még nem igazolható, részint pedig mivel olyan viszonyokra történik benne célzás, melyek csak a helyi körülmények alapos ismertetével érthetők. Mi a könnyebben fordítható darabok közül közlünk mutatványokat, mit annál időszerűbbnek tartunk, minthogy az ugor nyelvek közül eddigelé a voltják nyelv részesült aránylag legkevesebb méltatásban nyelvészeti irodalmunkban. E szövegek két különböző nyelvkörületből vannak egybegyűjtve: a kazáni kormányzóság éjszaki és vjatkai kormányzóság déli részéből; amannak nyelvét bizonyos hangtani sajátságokon kívül (э: kívül?) (pl. hogy szókezdő *j* *d'*-vé változik benne) erős török hatás jellemzi szókincsben és mondatszerkezetben; emezt (ide tartoznak az ünnepdalok s a találós mesék közül a 72–

тупны для точного и надежного перевода, частично потому, что в значительном количестве текстов имеются такие слова и выражения, которые в прежних источниках не встречаются и удостовериться относительно их семантики пока еще невозможно; частично же потому, что в них делаются намеки на такие отношения, которые могут быть поняты лишь на основе фундаментальных познаний местных обстоятельств. Что касается опубликованных образцов среди легко переводимых произведений [фольклора], их тем более считаем своевременными, поскольку среди угорских [= финно-угорских] языков вплоть до сего времени именно удмуртский в относительно меньшей степени оценен в нашей лингвистической литературе. Эти тексты собраны в двух языковых областях: в северной части казанской и южной части вятской провинций; для языка первых свойственно, помимо определенных фонетических особенностей (к примеру, то, что анлаутное *j*- переходит в них в *d'*-) наличие сильного тюркского влияния на словарный состав и строение предложений; последние (к ним отно-

120 számuk) főképen az orosz kölcsönzők nagyobb száma. [Munkácsi 1883: 247]

сятся праздничные (обрядовые) песни и загадки под номерами 72–120) характеризуются бóльшим количеством заимствованных лексических единиц, преимущественно русских’.

Вполне современно звучат слова И. Н. Смирнова о сборнике, высказанные им печатно более века назад:

“Сборникъ Гаврилова составляетъ первый по времени опытъ болѣе или менѣе научнаго изданія произведеній народнаго творчества Вотяковъ. ... Мы не беремъ на себя смѣлости судить о достоинствѣ филологическихъ записей Гаврилова, но въ пользу изданія можетъ говорить то, что тексты Гаврилова были переизданы съ венгерскимъ переводомъ въ Будапештѣ мадьярскимъ филологомъ Мункачи. Въ пользу ихъ содержанія говорить переводъ на нѣмецкій языкъ в книгѣ М. Вич. Первое мѣсто по количеству в сборникѣ занимаютъ пѣсни, но с культурно-исторической точки зрѣнія бóльшаго вниманія заслуживаютъ сказки и преданія... Преданія о Тутоѣ и Янтамырѣ, Ваткѣ и Калмезахъ, о книгѣ, о разрушеніи куалы въ Вяткѣ, объ Идна-батырѣ заключаютъ вѣсьма цѣнныя историческія и бытовыя черты” [Смирнов 1890: 280–281]¹⁰.

По мнению К. Герда [1929: 40], сборник Б. Гаврилова не потерял своей ценности и в наше время (в 20–30-е гг. XX в.) и должен стать настольной книгой для каждого образованного удмурта. Современные исследователи огромное историческое значение данной книги видят в следующем: во-первых, она послужила своего рода учебной хрестоматией по удмуртской лите-

¹⁰ Оценка историко-этнографической значимости произведений прозаических жанров удмуртского фольклора из собрания Б. Гаврилова, произведенная И. Н. Смирновым в конце XIX века, почти дословно повторена в последней четверти XX столетия в работе В. Е. Владыкина и Л. С. Христолюбовой [1984: 24–25].

ратуре для обучения и воспитания многих просветителей и деятелей удмуртской культуры конца XIX – начала XX столетия (И. С. Михеева, М. И. Ильина, И. В. Яковлева, Г. П., М. П., А. П. и М. П. Прокопьевых, И. Шкляева, Кедр Митрея и др.); во-вторых, она положила конец измышлениям о том, что удмуртский народ не имеет своего собственного устно-поэтического творчества [Владыкин, Поздеев 1980: 48, 49].

6. Однако в годы Советской власти (начиная примерно с 30-х гг. XX столетия) отдельные фольклористы Удмуртии, “до зубов” вооруженные марксистско-ленинской идеологией и оснащенные коммунистическими идеалами, выражали весьма пренебрежительное – мягко говоря – отношение к Борису Гавриловичу Гаврилову как священнику и миссионеру и к его фольклорным записям, что особенно ярко выражено в одной из работ Н. П. Кралиной. Именно в связи с его собирательской деятельностью советский фольклорист высказывает свои самые гневные слова в адрес вообще многих дореволюционных собирателей, обвиняя их в том, что они “нередко подправляли подлинно народные произведения в духе официальной народности, утверждавшей, с одной стороны, смирение и верноподданнические чувства народа, и, с другой, – художественную неполноценность народного творчества вообще и творчества национальных меньшинств в особенности” [Кралина 1961: 9]. Да и самому Б. Гаврилову перепала немалая доза этого “справедливого гнева”: “Гаврилов записывал преимущественно лирические песни, почти совершенно исключая песни, имеющие социальное звучание, отражающие тяжелое положение удмуртов. Такой выбор может быть объяснен и *идейными позициями* собирателя и тем, что *народные певцы, вполне естественно, видели в миссионере человека, чуждого им*” (курсив мой. – В. К.) [Кралина 1961: 9].

Во-первых, хотелось бы знать, из каких-таких это “идейных позиций” 19-летний выходец из сословия государственных крестьян – сын “казённого крестьянина из татар старокрещеного Гаврила Михайлова и законной жены его Ирины Михайловой”

[Туранов 2010: 177], выпускник Казанской крещено-татарской школы, не будучи еще ни священнослужителем (которым, возможно, и не собирался быть, пока серьезные финансовые затруднения не вынудили его к этому шагу), ни миссионером, а работавший сельским учителем, мог быть не объективным при сборе фольклорного материала в полевых условиях на значительной территории проживания удмуртов и “нередко подправлять подлинно народные произведения” при подготовке их к изданию.

Во-вторых, несостоятельность мифа о том, что “народные певцы, вполне естественно, видели в миссионере человека, чуждого им” развенчивается хотя бы тем, что кукморские удмурты, видя в нем приятного юношу (священником и миссионером он, как было уже сказано, тогда еще не являлся), стремящегося овладеть их языком, искренне заинтересованного их жизнью и народной культурой, настолько доверились учителю Борису Гавриловичу, что раскрыли ему ворота и двери на все свои языческие моления, выложили перед ним весь свой репертуар, вплоть до языческих молитв и даже не очень этичных, с точки зрения удмуртов того времени, “фривольных” песен (типа: № 53 [Гавриловъ 1880: 11/81], № 139 [Гавриловъ 1880: 25/92]).

А о том, как (вос)принимали “народные певцы” “миссионера, человека, чуждого им”, достаточно послушать самого Б. Гаврилова:

“Въ 1876 году лѣтомъ, проживая на своей родинѣ, я получилъ приглашеніе отъ Вотяковъ деревни Верхнихъ Шунъ пріѣхать къ нимъ въ гости въ день праздника Казанской иконы Божіей Матери. Въ 1873 году я жилъ въ этой деревнѣ, по порученію начальства, изучая языкъ Вотяковъ, и до того сошелся с ними, что они принимали меня какъ родственника. Рѣдкій недѣльный день проходилъ безъ того, что меня приглашали въ гости въ три-четыре дома. Скрытность Вотяковъ извѣстна; но несмотря на это я не пропускалъ ни одного жертвоприношенія или другихъ семейныхъ обрядовъ, не побывавши на нихъ, или, лучше сказать, мнѣ не давали пропускать подобныхъ обрядовъ, а всегда приглашали и,

не стѣснясь моимъ присутствіемъ, делали все, что требовали обычаи стариковъ.

Юля 8 дня Вотяки прислали за мной пару лошадей, а расстояние отъ моей родины до ихъ деревни около 30 верстъ. Я поѣхалъ, согласно приглашенію Вотяковъ, съ женой. Какъ проводили мы праздникъ, я не стану описывать, скажу только, что мы прогостили восемь дней и побывали за это время въ 22 домахъ *шыд дорын*, т. е. за угощеніемъ. Многіе звали по два и по три раза. <...> При прощаніи всѣ провожавшія плакали такъ, что мы сами невольно прослезились, смотря на этихъ добрыхъ людей принявшихъ насъ какъ родныхъ” [Гавриловъ 1891: 80–81].

Эта пространная цитата из работы «Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода», опубликованной Б. Гавриловым в сборнике «Труды IV археологического съезда» (Казань, 1891), не могла быть тайной за семью печатями для фольклориста Н. П. Кралиной, ибо вышеназванная книга находится в Удмуртском НИИ, где много лет фольклорист работала. Тогда зачем было наводить тень на плетень в ясный полдень?

И перед нами, современными удмуртскими исследователями, стоит благородная задача реабилитировать в глазах ученых и рядовых читателей доброе имя Бориса Гавриловича Гаврилова (1854–1885) как талантливого ученого-самоучки и честного, добросовестного труженика на ниве просвещения и гуманитарной науки.

Список использованной литературы и источников

Азбука Гл. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Глазовскому). – Казань: Типография Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 173 с.

Азбука Сар. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Сарапульскому). – Казань: [б. и.], 1847. – 192 с.

Багинъ 1897 – *Багинъ С.* Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда: Этнографическій очеркъ / С. Багинъ // Этнографическое обозрѣніе. – 1897. – № 2. – С. 59–92.

Бадзым пражникійос 1874 – Бадзым пражникійос. Главные церковные праздники Господни и Богородичны. На наречіи Вотяковъ Казанской губерніи. – Казань: Тип. Коковиной, 1874. – 102 с.

Блиновъ 1967 – *Блиновъ Н. Н.* Лыззонь: Азбука для вотскихъ детей / Н. Н. Блиновъ. – Вятка: Типография губернскаго правленія, 1867. – 24 с.

Борисов 1929 – *Борисов Т. К.* Песни южныхъ вотяковъ / Т. К. Борисов. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 102 с.

Бутолин 1941 – *Бутолин А.* [С.] Вопросы развитія удмуртской поэзии / А. [С.] Бутолин // Записки / Удмурт. НИИ ист., языка, лит. и фольклора при СНК Удмурт. АССР. – Ижевск, 1941. – С. 35–61.

Васильевъ 1906 – *Васильевъ И.* Обозрѣніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ Казанской и Вятской губерній / И. Васильевъ // Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. – Казань, 1906. – Т. XXII. – Вып. 3. – С. 185–219; – Вып. 4. – С. 253–276; – Вып. 5. – С. 321–349.

Верещагинъ 1895 – *Верещагинъ Г.* О книгахъ на вотскомъ языкѣ / Г. Верещагинъ. – Вятка: Губернская типография, 1895. – 21 с.

Владыкин, Поздеев 1980 – *Владыкин В., Поздеев П.* Сю аресъем удмурт книга / В. Владыкин, П. Поздеев // Молот. – 1980. – № 12. – 48–49-тй б.

Владыкин, Христюлова 1984 – *Владыкин В. Е., Христюлова Л. С.* История этнографии удмуртов: Краткій историографическій очерк с библиографіей / В. Е. Владыкин, Л. С. Христюлова. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 144 с.

Гавриловъ 1880 – Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній / Б. Гавриловъ. – Казань: Православное миссионерское общество, 1880. – 189 с.

Гавриловъ 1891 – *Гаврилов Б. Г.* Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода / Б. Г. Гавриловъ // Труды IV археологическаго сѣзда. – Казань, 1891. – С. 80–156.

Герд 1929 – *Герд К.* Калыккылос книгаёс / К. Герд // Кенеш. – 1929. – № 5. – 40–41-тй б.

Еванг. 1877 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣея. – Казань: Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1877. – 82 с.

Еванг. Гл. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѣея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. – Казань: напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 138 с.

Еванг. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа евангеліе отъ св. Евангелиста Матѣея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. – Казань: напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 234 с.

Кельмаков 2011 – *Кельмаков В. К.* Вехи истории удмуртского языковедения / В. К. Кельмаков. Удмурт. гос. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языковедения, РАН УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – 517 с.

Кралина 1954 – *Кралина Н.* [П.] Загадки удмуртского народа / Н. [П.] Кралина // Записки / Удмурт. НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1954. – С. 123–194.

Кротовъ 1785 – *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Могилинь 1786 – *Могиллин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Нач. Уч. 1874 – Начальное ученіе православной христіанской вѣры на вотскомъ языкѣ = Чын дѣн кинѣгаез. – Казань: Тип. Коковиной, 1874. – 90 с.

Первухинъ 1888 – *Первухинъ Н. Г.* Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ III: Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзіи вотяковъ (лирическихъ

и дидактических) / Н. Г. Первухин. – Вятка: Изд. Губерн. стат. ком, 1888. – 82 + II с.

Поздеев 1976 – *Поздеев П. К.* Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменных источниках XVIII века / П. К. Поздеев // 200 лет удмуртской письменности. – Ижевск, 1976. – С. 116–119.

Реформатский 1967 – *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. Изд. 4-е, исправл. и доп. / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

Реформатский 2006 – *Реформатский А. А.* Введение в языкознание: Учебник для вузов. 5-е изд., испр. / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.

Св. Ист. 1877 – Священная История Ветхаго и Новаго Завѣта на Вотяцкомъ языкѣ. – Казань: Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1877. – 190 с.

СВС 1892 – Краткій славяно-вотскій словарь: Пособіе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта. – Казань: Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1892. – 70 с.

Смирновъ 1890 – *Смирновъ И. Н.* Вотяки: Историко-этнографическій очеркъ (= Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ. Т. 8, вып. 2) / И. Н. Смирновъ. – Казань: Изд. Губерн. стат. ком., 1890. – 308 + [Приложение] 39 + 4 с.

Тепляшина 1965 – *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина. АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1965. – 324 с.

Тридцать лет СУ 1950 – Тридцать лет Советской Удмуртии. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. – 164 с.

Туранов 2009 – *Туранов А. А.* О крайних датах биографии Бориса Гаврилова / А. А. Туранов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. – 2009. – № 3. – С. 25–29.

Туранов 2010 – *Туранов А. А.* Борис Гаврилов. Страницы биографии исследователя / А. А. Туранов // Чеховские чтения в Вятке: материалы науч. конф. (Киров, 28 янв. 2010 г.) / Департамент культуры Киров. обл., Киров обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, Вят. Шалапин. об-во. – Киров, 2010. – С. 176–181.

Уваров 2000 – *Уваров А. Н.* Роль переводов библии в формировании дореволюционной удмуртской литературы / А. Н. Уваров // Вордскем кыл. – 2000. – № 5. – С. 65–70.

Удмуртия за 40 лет 1957 – Удмуртия за 40 лет советской власти. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957. – 260 с.

Ўгет 1878 – Ўгет. Святой Тихон дѣшетем жѣс кылѣос. Наставленіе христіанское Св. Тихона. – Казань: [б. и.], 1878. – 35 с.

Харламповичъ 1907 – *Харламповичъ К. П. П. Масловскій и его переписка съ Н. И. Ильминскимъ (Материалы для исторіи русской мисси)* / К. Харламповичъ // *Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанскомъ ун-тѣ.* – Т. XXIII. – Вып. 2. – С. 67–109; – Вып. 3. – Казань, 1907. – С. 163–224.

Энци. УР 2000 – Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 800 с.

Aminoff 1886 – *Aminoff T. G. Wotjakilaisia kielinäyteitä* / T. G. Aminoff // *JSFOu.* – 1886. I. – P. 32–55.

Buch 1882 – *Buch M. Wotjäken, eine ethnologische Studie* / M. Buch. – Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. – 190 S.

Lach 1926 – *Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener* / R. Lach. Wien und Leipzig, 1926. – I Band: Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung: Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. – S. 1–99.

Munkácsi 1883 – *Munkácsi B. Wotják nyelvmutatványok* / B. Munkácsi // *НүК.* – 1883. – XVII. – 247–302 old.

Munkácsi 1887 – *Munkácsi B. Wotják népköltészeti hagyományok* / B. Munkácsi. – Budapest. 1887. – 335 l.

Wasiljev 1902 – *Wasiljev I. Übersicht über die heidnischen Gebräuche, Aberglauben und Religion der Wotjaken in den Gouvernements Wjatka und Kasan (= MSFOu XVIII)* / I. Wasiljev. – Helsingfors, 1902. – 143 + IV S.

Wichmann 1893 – *Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben* / Y. Wichmann. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S.

Wichmann 1901 – *Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben* / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1901. – II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. – IV + 200 S.

Wichmann 1901a – *Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Closar* / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1901a. – V + 134 S.